

разумеется, супруг Елены Никитичны — всевластный генерал-прокурор, «под командою» которого переводчик, по его собственному признанию, находился «девятой год». Сравнивая Вяземского с Тезе-ем и Паридом (Парисом), Фрязиновский отдает безусловное предпочтение своему начальнику: «Если бы <...> возможно было мне все любезного сожителя Вашего труды и дела исчислить и живо представить совершенное о разуме его знание и потому отменное к нему благоволение не вымышленных богинь, но истинной превышающей их богини, владеющей наизнатнейшею частию света премудро и великодушно, вверившей ему толь великого своего государства все почти суды и вверяющей часто собственные свои тайны, то бы поистине и Тезей, и Парид пред ним посрамлены были».⁸⁹ Так, хвала в посвящении нарастает по восходящей: от супруги Вяземского к нему самому и, наконец, к Екатерине II, доверие которой предстает как высшая награда вельможе.

В других посвящениях генерал-прокурор выступает тоже как выразитель воли императрицы и одновременно предстатель перед ней. Ф. Г. Дильтей, посвящая Екатерине II свою книгу «Начальные основания вексельного права», поместил после этой дедикации «Эпистолу его сиятельству князю Александру Алексеичу Вяземскому», в которой, в частности, писал: «Счастлив бы я был, ежели бы сия книга и сочинитель оной удостоены были посредством Вашего сиятельства милостивого ходатайства толь великой монархини благоволения».⁹⁰ Стремясь выразить свою поддержку тем реформам, которые императрица проводила в прибалтийских землях, Ревельский губернский прокурор И. Н. Репьев перевел с немецкого языка книгу «Перемена в Эстляндии, или Описание пользы и преимуществ новых учреждений...» (1788) и посвятил ее Вяземскому со свидетельством «глубочайшего высокопочитания» к его особе.

Многие авторы, обращаясь к Вяземскому, стремились вместить в текст посвящения и панегирические отзывы о Екатерине II. Заслуги вельможи представлялись как следствие ее прозорливости и мудрости. Такая оценка деятельности Вяземского поддерживалась и самой государыней. Когда в 1789 г. генерал-прокурор был поражен параличом, императрица, как передает А. В. Храповицкий, сказала: «Жаль князя Вяземского. он мой ученик, и сколько я за него выдержала!»⁹¹

Традиция, в соответствии с которой вельможи изображались достойными слугами просвещенной монархини, всецело оправдывающими ее доверие, была нарушена Г. Р. Державиным в его знаменитой «Фелице» (1782). Поэт, служивший под непосредственным

⁸⁹ Там же С 7 нenum

⁹⁰ Дильтей Ф Г Начальные основания вексельного права [2-е изд]. М., 1772 С 18 нenum

⁹¹ Памятные записки А В Храповицкого, статс-секретаря Екатерины Второй М., 1990 С 216 (Репринт воспр изд 1862 г)